

После дождя

Дождь не прекращался уже третий день, тек по стенам домов, деревьям, зонтикам. Под этим темным дымящимся небом ничего не могло остаться сухим.

У ланчонета, куда он шел, ему повезло.

Поднявшийся из душевой утробы сабвея пассажир положил на верх полной размокшей бумаги урны свою еще сухую газету, как раз когда он проходил мимо. Он подхватил ее и укрыл под зонтик, избежав необходимости идти за ней к ближайшему киоску.

В ланчонете он взял со стойки толстую приятную губам чашку, нацедил кипяток и, отнеся на столик, высыпал из пакетиков кофе и сахар, из картонки величиной с наперсток вылил сливки, все было стерильно и насыпано на каждом столике в изобилии. Он еще не потерял способность находить удовольствие в этих вещах после обжигающих пальцы стаканов и неопрятных сахарниц одесских кафе.

За широким витринным окном ланчонета неслышно кружилась карусель машин вокруг Колумбовой колонны. И были видны темные купы деревьев Центрального парка, обливаемые дождем кареты и экипажи с поднятым верхом и тяжелые лошади под клеенкой, ожидающие туристов. Но какие могут быть туристы в такую погоду!

В ланчонет вошла женщина с мокрыми волосами и у стойки налила себе кофе. Отпивая на ходу, присела за соседний столик. Прилипшая к телу мокрая ти-шirt обнаружила, что женщина не носила бра.

Неожиданно он услышал: "Что пишут о погоде на завтра?".

Он взглянул на первую страницу газеты: "С утра солнце, потом опять дождь". Она пробормотала: "Shit", — и снова уставилась в свою чашку. Еще ему показалось, он услышал: "Забавный акцент!".

Уже зажгли неон. Было ярко, с улицы войти — прохладно. И пахло хорошей едой.

Читать на людях нью-йоркскую газету, а по тиви показывают какой-нибудь бейсбол (он уже понимал правила и реагировал на игру синхронно с американцами), — собственно, ради обстановки он приходил сюда после работы.

Ему пришла в голову забавная мысль, что нет на посетителях ланчонета такой вещи, которая была бы ему не по карману, включая золото, — его можно приобрести в любом ювелирном магазине в кредит, имея работу.

Женщина опустила чашку на столик. На лице ее не было краски, и было очевидно, что женщина поглощена собой. Она встала и пошла к стойке налить еще кофе. Ее джинсы почернели от дождя внизу, у сухих лодыжек с сандалиями на босых ногах. Кошелек висел сбоку на поясе. По тому, как она шла, он догадался, что женщина пьяна.

Она выпила кофе у стойки и вышла. Он видел, как она прошла мимо мокрого окна, у которого он сидел. Он отложил газету и вышел тоже.

Дождь прекратился. В воздухе стояла водяная пыль, липкая и теплая от автомобильных выхлопов. Через дорогу, у Центрального парка, женщина садилась в экипаж. Возчик опустил кожаный верх и забрал из-под морды лошади брезентовое ведро с овсом (склеивающие просыпанный овес голуби неохотно посторонились), и подвесил ведро под экипаж.

Когда экипаж тронулся, открылось сухое место на дороге, где он стоял. Голуби вернулись к овсу.

Он перешел улицу. За невысоким гранитным парапетом парка видна была между деревьев двухрядная дорога с мчащимися автомобилями. По ее обочине медленно катил белый экипаж.

Он сложил зонтик и не спеша пошел вдоль парапета. На другой стороне улицы фронтом к парку тянулись гостиницы с лепными фасадами, украшенными флагами. К их входу шли через тротуар навесы. Под навесами стояли живописные швейцары и вызывали свистком такси. Желтые такси подъезжали и отъезжали.

У Пятой авеню парк заканчивался. Можно было пересечь авеню и продолжить путь по узкой улице Восточной стороны. Идти было все равно куда. Но сумрачное мокрое ущелье улицы не привлекало.

Возвращаясь тем же путем к стоянке экипажей, он обратил внимание на особенность помпезных гостиниц: балконы во всю длину фасадов тянулись почему-то на высоте верхнего этажа, под крышей. И еще. Подъезжали и уезжали из гостиниц люди пожилые, и это бросалось в глаза, потому что их вещи несли молодые служащие.

Белый экипаж, в котором уехала женщина, опять стоял у обочины. Возчик ставил под морду лошади ведро с овсом. Его цилиндр лежал на козлах. Женщина шла по другой стороне улицы. Очевидно, она только что приехала. "Почему бы не продолжить с ней разговор?"

Он тоже перешел улицу и поравнялся с ней.

— Еще раз: привет!

Она резко вскинула голову, неприязненно оглядела его и остановилась, не желая идти с ним рядом. На миг он оказался лицом к ее лицу,

бледному и узкому, с видимыми скулами. Кончики ее потемневших от влаги волос с легкой примесью меди прилипли к запавшим щекам. Ирландка? На улице, при натуральном свете, она оказалась моложе, чем в ланчонете.

— Get lost! (Потеряйтесь!)

До него донесся пьяный перегар.

В слитном шипенье автомобильных шин по мокрой дороге он обострившимся слухом различал шлёп сандалий за собой. Звуки эти становились отчетливей, когда машины останавливали свой бег перед светфором.

Очень нужно было напрашиваться! Жаль было потерянного хорошего настроения. Он услышал, что женщина догоняет его. Ему даже показалось, что его зовут. Он ускорил шаги. Мало ли что человеку в таком состоянии может прийти в голову!

— Эй, ю, Брутус!..

Из всех возможных окликов, каким женщина могла бы привлечь его внимание, этот был самый загадочный.

— Почему Брутус?

— Не ваш это бизнес — почему. Вы все предатели!

Очень вразумительное объяснение.

Перед навесом у входа в гостиницу женщина остановилась. "Неужели она здесь живет? В этих сандалиях!"

Она опустили взгляд на красную дорожку, раскатанную поперек тротуара от дверей гостиницы к проезжей части улицы. Дорожка была в черных пятнах от мокрых подошв прохожих.

Теперь она смотрела на него исподлобья, с лукавинкой.

— Вы хотели меня любить, не так ли?

Массивные бронзовые ручки на дверях гостиницы венчались орлами, как скипетры.

— О, Боже!

И хихикнула.

"Пьяная баба", — он поморщился.

После этого она, очевидно, должна была вернуться в гостиницу. Чего не произошло. Она двинулась дальше по улице, как бы желая продолжить с ним разговор. Она и продолжила. Но другим тоном.

— Вы не военный пилот? Вы похожи на военного пилота. Они не откажут леди в фэйвер, не так ли?

Несколько шагов прошли молча.

— Имеется один человек, — она призналась. — Убейте его фор ми!

И спустя миг:

— Я устала, Здесь что-то должно быть...

В каждой из этих дорогих гостиниц, несомненно, имелся ресторан. У него была с собой кредитная карточка. Но и цены в таких местах! Но и женщину с Пятьдесят девятой улицы повести в какой-нибудь "фест-фуд" значило бы потерять ее. А терять эту алкоголичку он уже не хотел. Временами она выныривала из каких-то глубин и появлялась разумная речь приятной певучей интонации нью-йоркских интеллигентов. Этой среды он здесь был лишен.

Что касается диннер, то почему бы не заменить его коктейлем со льдом, который можно иметь в любом баре на соседней Мэдисон авеню? Или "Russian Teagoom" в двух блоках отсюда, с официантами в вышитых рубашках навыпуск, подпоясанных ремешками, подающими чай в подставочниках от "Тиффани".

Он выбрал бар, где бывал.

Путь к нему шел через небольшой сквер с фонтаном. Струи из фонтана рассыпались над прохожими, отчего их неожиданно кропило холодной водой.

В чаше фонтана плескались черные дети из недалеких субсидированных корпусов, оглашая сквер криками. Их второпях сброшенные с ног кеды были разбросаны по скверу.

В баре произошло следующее.

Когда знакомый бармендер, к которому он уже обращался запросто: "Рик", двинул к нему по стойке бокал и повернулся к ней: "Мэм?.." — "Что бы такое придумать?" — она спросила себя, удерживая переступающего от нетерпения с ноги на ногу бармендера улыбкой. Улыбка обнаружила преждевременные лучики у глаз, а пепельный от дыма трубок и сигар свет бара наложил тени на лицо. Довольно невыгодная комбинация.

Он попробовал представить себе ее дома, скажем, в кресле с большим блокнотом на коленях, карандаш в зубах, что-то такое очень деловое ображающую для своей К°. И эта сцена прищлась ему по душе.

Спустя минуту он добавил к ней детский контур и игрушки на полу. И себя рядом. Тоже на полу.

Через настежь раскрытые половинки дверей в смежную комнату виден был некто к ним спиной. Он оглядывал себя в зеркале, очевидно, собираясь уходить. Зеркало отражало блеск тугих прядей молодых волос, кирпичного цвета лицо и на широкой кисти тяжелого белого металла часы (если из платины, то ее подарок!).

Этот малый, как бы ни ее бойфренд, был ему тут совсем ни к чему, и он поспешил убрать его со сцены вместе со смежной комнатой.

Очевидно, так легко она не могла разлучить себя с ним, почему снова ушла в глубины своей экстремальной ситуации.

Сидя рядом со своим случайным встречным у стойки, она рассеянно вертела недопитый бокал, стуча кольцом по стеклу.

Он обратил внимание на подушечки ее пальцев. Недостающая строка ее жизни, наконец, нашлась: "Играет в оркестре, может быть, даже рядом, в Линкольн-центре. Вполне может позволить себе Пятьдесят девятую стрит".

Вдруг женщина соскользнула с высокого стульчика и пошла к выходу.

И, как и в ланчонете, он рассчитался и вышел за ней. На заметно опустевшей улице уже горели фонари, и он увидел ее издали. Ему пришлось вернуться в бар за забытым зонтиком. Когда он снова вышел на улицу, женщины уже не было.

Фонтан в пустом сквере был уже подсвечен, и пахло свежей водой.

Повернув на Пятьдесят девятую улицу, он снова увидел женщину. Она стояла через дорогу напротив гостиницы, прислонясь к скользкому от жирной влаги парапету. Когда он стал рядом, она посмотрела на него и ничего не сказала. Карет и экипажей уже не было у обочины, и сухой гудрон под ними стал цвета мокрого антрацита, как и остальная проезжая часть улицы. На то место, где они стояли, указывал лишь просыпанный мокрый овес.

Прохожих поубавилось. Но тот же трафик желтых такси, Когда они стопорили у светофора, слышен был масляный шелест моторов. А за парапетом в парке громко шлепались на землю капли с деревьев.

Он взял женщину за руку. Рука была холодной и мокрой.

Она подняла плечо, освобождая руку.

Дорогу в гостиницу она переходила, игнорируя автомобили.

Больше ничего не оставалось делать. Он почувствовал, что устал, и захотелось домой. Он миновал "Russian Tearoom" с притушенными огнями за окнами и вдруг осознал, что сделал круг.

Женщина в прежней позе стояла у парапета напротив гостиницы. Когда он приблизился, она оставила парапет и пошла навстречу.

Дома он, прежде всего, заглянул в ванную, не остались ли там забытые кем-нибудь серьги-стекляшки или кисточка от "мэйкап". Не хватало еще ей обнаружить, что она попала в "массаж салон"!

После чего предложил ей горячий душ и "Тайленол".

Пользуясь ее отсутствием, наскоро привел постель в порядок, накиннув

что-то на измятую простыню на привольном и для двоих "кингс сайз" матрасе. И тут же осенило: да какой к черту "кингс сайз" на двоих, когда ни о каких двоих не может быть и речи!

К ее выходу из ванной у него уже было готово для себя кресло с придвинутым стулом на ночь.

Она посмотрела на свою руку: "Вы мне в парке сделали больно. У вас шершавая ладонь".

— Такая работа, — пришлось оправдаться.

Инженер, он здесь устроился слесарем, и каждый второй пай-чек относил в банк на кооператив.

Когда он проснулся, было уже раннее утро. Из серого окна к нему в кресло доносилась прохлада. Скоро встать к сабвею, чтобы не опоздать на работу. Он не подымет ее с собой так рано, как других, а неслышно уйдет, оставив ключ и записку. Интересно будет с ней договорить, когда он вернется с работы. "Брутус!"

Он снова уснул, а когда открыл глаза, она уже стояла одетая у синего окна и старалась защелкнуть за спиной пряжку пояса с кошельком. Ти-ширт на ней все еще выглядела влажной. Его безрукавка, которую он дал ей после душа переодеться, лежала аккуратно сложенная на стуле. Он предложил ее, но женщина уверила, что она о'кей.

Она вызвала такси по телефону и понизила голос, давая свой адрес, чтобы адрес остался ему неизвестен. Он его знал. Но что с того!

Она шла к нему с дружески протянутой рукой, и он вторично увидел ее улыбку с уютными лучиками: "Bye! Nice to meet you. И забудьте все, что я вам вчера наговорила. I wasn't myself (Я не была собой)".

До того она так улыбалась бартендеру.

Она вышла, и он услышал, как торопливо зашлепали ее сандалии по лестнице, как будто женщина убегала.

Когда он спустился на улицу, солнце, как и предсказывала газета, ярко светило в безоблачном небе и освещало на противоположной стороне улицы разноцветные узкие дома с рыбными лавками в нижних этажах, и на выставленные на тротуар стойки со льдом рыбки в перчатках высыпали из ящиков серебристую рыбу. В просвечиваемых солнцем аквариумах грелись черно-серые лобстеры с гигантскими клешнями, перехваченными резинками.

От дождя не осталось и мокрого пятна. Все было сухо, воздух горяч и свеж. Его сторона улицы еще лежала в тени.

Приподнятое настроение куда-то ушло. Вдруг обнаружилось, что все

у него не так и не то: работа (ему за кульманом стоять, а он лазит под машины с молотком и зубилом), квартира (в доме колониальных времен без лифта и с деревянной лестницей) на торговой улице, где одна сторона пахнет рыбой, а из открытых дверей лавок на другой — специями всех островов Карибского бассейна. И многое другое.

Подшел поезд, и он втиснулся в вагон.

Ричфилд-Спрингс, США

